

Впервые о Галине Максимовне я услышал в августе 1985 года. Только что были успешно сданы экзамены в Красноярский государственный университет, через пару недель мы должны были войти в аудитории филологического факультета, который тогда находился на Маерчака, 6. Мы — вчерашние абитуриенты, а ныне почти что студенты — внимали на скамейке рассказам бывалых второкурсников.

— У нас самые лучшие преподаватели во всём университете! — безапелляционно утверждал второкурсник с модной бородой. — Самая интересная из них — Галина Максимовна Шлёнская. Она вам расскажет о литературе то, что никто не расскажет. Узнаете и о Солженицыне, и о других эмигрантах. А как она рассказывает!..

Напомню, на дворе стоял 1985 год. Горбачёв только-только пришёл к власти, и никто ещё знать не ведал, чем закончится объявленная им перестройка, которую впоследствии философ Александр Зиновьев не без оснований переименовал в «катастрофку». Но про Солженицына кое-кто из нас слышал и в 1985 году. Знали, что его выслали из страны за антикоммунистические произведения. И подозревали, что вряд ли его имя есть в учебниках отечественной словесности. Одним словом, бородатый студент нас изрядно заинтриговал. Но в тот год с Галиной Максимовной познакомиться не довелось. В 1985 году её пригласили работать заместителем директора в филиал Института русского языка имени А. С. Пушкина в Праге.

Узнал Галину Максимовну я, только вернувшись из Советской Армии. Моё возвращение из Братска совпало с её возвращением из Чехословакии. В начале девяностых она вновь начала читать лекции о русской литературе двадцатого века в нашем университете. Это были вдохновенные рассказы о литературе Серебряного века, о трагических судьбах писателей, о том, как «век-волкодав» перемалывал всё и вся. Безусловно, многое мы уже знали, целые материка запрещённой в советское время литературы, словно

Александр Чернявский, Галина Шлёнская

град Китеж, уже показались из-под вод забвения. Но от этого знания её лекции не становились скучнее. Мало знать — надо ещё и осмыслить, и понять! Стройные концепции соцреализма рушились на глазах, в головах у многих начинающих филологов тогда царил смута, и, конечно же, слова Галины Максимовны были в какой-то степени прививкой от этого смыслового хаоса.

О её отношениях со студентами нужно сказать особо. Она умела быть с ними на равных, с огромным энтузиазмом поддерживала тех, в ком видела хотя бы искорку способностей. От неё можно было нередко услышать жёсткие оценки по поводу известных людей, но студентов при мне она в основном хвалила. Не знаю уж почему, но вскоре я попал в её любимчики. Может быть, за беззаветную любовь к литературе.

На последнем курсе Галина Максимовна неожиданно предложила писать диплом под её руководством. Вообще-то я учился на журналиста и дипломную работу должен был предоставить согласно специализации, но Шлёнская настояла на своём (она умела это делать). В результате я погрузился в творчество Корнея Чуковского и написал работу про его литературные портреты. В этот период (1991–1992 годы) мы с ней особенно часто встречались, и разговоры наши были не только о литературе. Жизнь Галины Максимовны была богата событиями, часто драматическими.

Диплом я успешно защитил в 1992 году. Галина Максимовна сильно хотела, чтобы я остался на её кафедре, но время для этого было неудачное. Я как раз женился, родился сын, и, честно говоря, в эпоху «шоковой терапии» прожить на абитуриентскую зарплату было просто нереально. Пришлось пойти другими жизненными дорогами. Но наша дружба не закончилась с получением диплома.

В августе 1992 года на радиостанции «Местное время» ежедневно стала выходить часовая программа «Слово народное». Этот патриотический проект придумал Олег Анатольевич Пашенко, который предложил мне возглавить редакцию «Слова...». Через какое-то время среди острых политических программ «Слова народного» появилась и наша совместная с Галиной Максимовной литературная передача — немного камерная и домашняя. Я выступал в качестве ведущего, но главное слово было, конечно же, за моей гостьей. Она дарила слушателям блестящие рассказы о Шукшине, Распутине, Цветаевой, Астафьеве — всех тех, кто был ей близок и дорог. До сих пор жалею, что не сохранились записи тех передач. Уверен, многие из них были бы интересны и сегодня.

Вскоре наступило время и для печатных материалов. В середине 1992 года Олег Пашенко решил издать литературный альманах «Светлица». Под одной обложкой он собрал произведения красноярских литераторов из патриотического лагеря. Задумка удалась. Альманах интересно почитать и сейчас. В нём появилось и моё первое печатное интервью с Галиной Шлёнской под примечательным названием «Верьте в Россию!». Признаться, в 1992 году, стоя на руинах дымящейся советской империи, верить в будущее нашей страны было непросто. Но мы — верили! Беседа была о Марине Цветаевой. Интервью Шлёнской к этому поэту был не случаен. Её всегда привлекали личности с трагической судьбой, люди, в чьём творчестве отразилась судьба народа.

Следующее наше интервью появилось почти через десять лет в «Аргументах и фактах на Енисее». Повод для него был печальный — в ноябре 2001 года скончался Виктор Петрович Астафьев. Наша беседа вышла в январе 2002 года, на сороковой день после его смерти. Но это были не литературные поминки. Беседа получилась живой. Шлёнская дружила с Астафьевым с начала восьмидесятых годов. Их отношения, судя по её рассказам, были непростыми. И ругались они, и расходились, и сближались. Это нормально для личностей такого масштаба. Но в том интервью личных историй мы решили избежать. Разговор о творчестве нашего классика шёл скорее философский и литературоведческий.

Третье и последнее интервью с Галиной Максимовной я сделал в 2006 году по просьбе Александра Сенищука, издававшего в то время журнал «Кто».

Это интервью отличалось от предыдущих бесед широтой тем. Говорили и о плачевной ситуации в современной литературе, и о мироощущении студентства, и о будущем русского языка, и даже о снах.

— *Вот что удивительно — многие из тех, кто хорошо знал Астафьева, после его смерти стали видеть сны о нём. И сны поразительно интересные, — рассказывала Шлёнская. — Однажды мне приснилась комната, в которой стояли большие напольные часы. Виктор Петрович вдруг открывает дверцы часов и заходит внутрь. Я говорю: «Что же вы делаете? Ведь часы остановятся!» Но маятник продолжает двигаться... Такая у Астафьева была мощная духовная энергетика, что его влияние на нас чувствуется до сих пор даже на таком иррациональном уровне.*

Мощная энергетика была и у Шлёнской. Её влияние чувствуется и сейчас — спустя годы после ухода из этого бренного мира. Она часто говорила мне: «Саша, давайте напишем книжку. У меня столько идей, столько задумок!..» Увы, не сбылось. Она была великая труженица — работала почти до самого ухода, но при этом каким-то чудесным образом к ней не прилипало суетное. Не прилипало, потому что, на мой взгляд, Галине Максимовне было не слишком интересно иметь дело с будничной повседневностью. Её стезя — напряжённый диалог с Вечностью и с теми, кто её воплощал, — большими художниками. С кем-то из них она была знакома лично. С другими созвучными ей душами она разговаривала через эпохи и пространства. Разговаривает, наверное, и сейчас.

В эту подборку, составленную из фрагментов наших бесед, мы постарались включить самые заветные мысли выдающегося сибирского литературоведа.

Из интервью 1992 года

(журнал «Светлица»)

Марина Цветаева и судьба России

— Творчество Марины Цветаевой — действительно живое явление духовной жизни современности. Оно и повод, и аргумент в напряжённых поисках ответа на самые мучительные вопросы, которые поставило перед нами время. И когда мы пытаемся понять судьбы русской культуры и интеллигенции после Октября, и когда размышляем о путях развития отечественной поэзии, и когда говорим о необходимости возрождения России и национального самосознания.

Конечно, о Марине Цветаевой как о национальном поэте говорят «русские» темы и сюжеты. Но не менее важно то внутреннее, глубинное, непроизвольно высказавшееся в душевном жесте, из чего ткётся её поэтический характер: «Не для

тысячи судеб— для единой родимся...» Мне здесь вспоминается Настёна из повести Распутина, которая знала: русская баба только один раз себе судьбу лепит. Не напрасно кто-то сказал о Марине Цветаевой: «Все русские женщины были в ней».

Назвав Распутина, я, конечно, не имела в виду близости художественных манер его и Цветаевой. Тут одна национальная почва и, может быть, равной силы чувство своих корней в этой почве. Я думаю, что творчество Цветаевой могло бы тоже дать материал для составления расширительного словаря русского языка, подобного тому, который издал Солженицын.

Лучшее в глубинах народа всегда находится в гармонии с тем подлинным, что выработано в его образованных верхах.

Время поэзии

— Маленький томик «Избранного» Марины Цветаевой появился в 1961 году. Возвращению её стихов на родину помогли события 1956 года и сложившаяся под их влиянием общественно-литературная ситуация. Это было время пробуждения интереса к поэзии действительно массового читателя («множества», о котором мечтала Марина Цветаева). Вечера поэзии в Лужниках собирали тысячные аудитории. Не столь многочисленные, они тогда постоянно проходили и в провинции — Дни поэзии, Вечера поэзии, Декады поэзии...

Я помню, как тогда мы, ещё начинающие преподаватели вуза, ночи напролёт обсуждали какой-нибудь только что вышедший сборник стихов современного или «возвращённого» поэта, слушали магнитофонные записи песен Булата Окуджавы, Новеллы Матвеевой, позже — Владимира Высоцкого. То же было в студенческих общежитиях. Иногда мы собирались вместе. Общее увлечение стихами дополнительно объединяло нас в какое-то братство, которое сегодня в вузах, к сожалению, и непредставимо.

Это было время стихов. Поэты, без преувеличения, стали героями времени, властителями дум. И как бы кто-либо из нас позже ни изменил своё отношение к отдельным из них, было бы очередным предательством забыть о том, что они нам дали тогда.

О «гробокопательстве»

— В преувеличенном внимании к фактам личной жизни поэтессы бывают порой пережёлты... Я испытываю большое внутреннее отталкивание от истерии, которая создаётся порой вокруг имени Марины Цветаевой некоторыми чрезмерно яркими её поклонниками, претендующими подчас попасть в её интерпретаторы. За этой истерией угадывается нескромное желание отождествиться с поэтессой без всякого на то духовного права. Только поклонение не может быть

позицией исследователя. А слепое настаивание на абсолютной несопоставимости поэтессы и отказа от осмысления её места в отечественном литературном процессе неизбежно ведёт к попиранию принципа историзма, то есть к литературоведческому манкуртизму.

Из интервью 2002 года

(газета «Аргументы и факты на Енисее»)

Последняя глава классической прозы

— Я оцениваю творчество Астафьева, Распутина и Солженицына как последнюю главу русской классической прозы. Даже для великой и многообразной русской литературы Астафьев — феноменальное явление. И этот феномен ещё ждёт своего раскрытия. Нам ещё предстоит оценить и его дар, и личность, и его гражданский масштаб, и поразительную творческую энергию. У меня есть ощущение, что нам предстоит его ещё открыть. Это для меня совершенно ясно. Сможем мы ли его открыть? Если сможем вернуться к своей исконной русской натуре, русской ментальности, то да.

Сам его жизненный путь от беспризорника до вершин мировой славы феноменален. Конечно, он был сыном своего времени, но критика так и не смогла затолкать его ни в одну из своих любимых ниш, хотя с редким упорством и пыталась это сделать. Ему приклеивали ярлык деревенщика, традиционалиста, почвенника, эколога... Сам Виктор Петрович относился к этим потугам критики совершенно равнодушно. Это и понятно — он не стереотипен в постановке и решении общих в его творчестве с другими писателями-современниками проблем. Уникальны его жанровые формы, а язык астафьевских творений способен и восхищать (порой целые страницы воспринимаются как стихотворения в прозе!), а иногда и обескураживать...

Астафьев и его предшественники

— Любой громадный талант всегда разрушает все рамки и ограничения. При этом он, находя новые пути в искусстве, впитывает в себя многие традиции. Если говорить о предшественниках Астафьева, то я хотела бы обратить внимание на писателя, которого с его именем критика никогда не связывала. Это Иван Бунин. Для меня абсолютно очевидно их литературная перекличка. Вслед за автором «Окаянных дней» Астафьев мог бы обратиться к своим оппонентам полным достоинства вопросом: «Россия! Кто смеет учить меня любви к ней?» Бунинская традиция в творчестве Астафьева прежде всего — в боли за нереализованные возможности и талантливость русского человека, за так и не состоявшийся в его жизни ожидаемый праздник.

Несомненное разрушение отечественной литературы, конечно, ударяет по нашей ментальности.

Причём это удар по тому, где мы были наиболее сильны, яркие и самобытны и в чём нас мир признавал. И всё же я верю, что сегодняшняя кичкультура не вытеснит из нашей жизни настоящую русскую литературу. Ведь вся наша философия и понимание русской жизни в подтексте литературы заключена. И Астафьев прежде всего интересен как писатель, выступающий в русле этой традиции. Без соотнесения прозы Астафьева с русской философской мыслью невозможно проникнуть в глубинные смыслы его творчества.

Ответственность художника

— Виктор Петрович всегда строго оценивал своё творчество. Он считал, что когда за нами вышагают такие гиганты, как Толстой и Пушкин, каждый должен сто раз подумать: имеет ли он право отнимать время своими вещами у читателей? Я была свидетелем одной очень показательной истории, случившейся лет двадцать назад. Ко мне обратились представители крайкома комсомола и попросили принять участие в семинаре, где собирают всех поэтов-строителей. Я была обескуражена. Мне это напомнило времена РАППа, когда был выдвинут лозунг: «Ударников от станка — в литературу». Но мне сказали, что на семинаре будет Астафьев, и я всё же туда пошла. Встреча проходила в Студгородке. В зале, предоставленном под семинар, было, наверное, человек сто. Виктор Петрович какое-то время внимательно, но всё более недоумевающе слушал оратора, а потом вдруг встал и резко выступил: «Если из всех вас получится хотя бы один писатель, то это будет самый лучший итог семинара. Писательское ремесло — это колоссальный труд плюс талант, от Бога данный». Бедный организатор этого семинара сидел и во время этих слов обливался потом.

Из интервью 2006 года

(журнал «Кто»)

Нищета постмодернизма

— Законодатели литературной моды называют Ерофеева, Пелевина и Сорокина. Утверждают, что их имена останутся в истории русской литературы. Эти авторы, бесспорно, талантливы, но когда я читаю их книги, у меня возникает вопрос: во имя чего они это пишут? Русские писатели всегда были не только литераторами, но и духовными лидерами нации. Писатели были «со-виновниками времени». Вопросы «Кто виноват?», «Что делать?», шукшинский вопрос «Что с нами происходит?» большинство нынешних литераторов, увы, не волнуют. И они уже перестали быть властителями дум. Это не может не удручать. «Как слово наше отзовется?» — этот вопрос, увы, кажется, уже не волнует современных писателей.

Нынешняя литература изменила эстетике реализма. В ней слишком много пересмешничества, натурализма и даже порнографии. Ловкие литераторы привлекли паразитировать на чужих сюжетах. Постмодернизм ушёл от духовности. Искусство отвернулось от нравственной проблематики. Это не моя литература. Поэтому сегодня я предпочитаю читать мемуары и книги-биографии.

О нравственной деградации

— Менталитет современного читателя сильно изменился. И не в лучшую сторону. Я недавно с печалью для себя открыла, что из набора обязательных позитивных характеристик личности исчезла такая важная вещь, как «начитанность». Язык стал примитивным. Речь современного человека заштампована, сера и убога. Ненормативная лексика считается шиком. А внутренние дефекты ведь наиболее отчётливо проступают именно в языке — зеркале души. Это фактически диагностика нравственного состояния общества. И трудно сказать, что мы утратили раньше — благородство языка или благородство души.

Как-то я встретила на улице одну заплаканную выпускницу нашего факультета. Говорит, что ушла из газеты, где от неё требовали даже о смерти писать цинично. Цинизм — духовный рак нашей эпохи. В литературоведение его метастазы, к сожалению, тоже проникли. Попала мне недавно в руки книга некоей Катаевой об Анне Ахматовой, в которой автор попыталась буквально уничтожить великого поэта якобы компроматом и собственными измышлениями. Что двигает такими «литературоведами»? Уж явно не стремление к истине.

Солженицын и номенклатура

— С Солженицыным связана одна драматическая история моей жизни. В одном из сибирских городов я после окончания аспирантуры возглавляла кафедру, и у нас в курсе современной литературы были лекции по творчеству Солженицына. Как раз в этот момент его выдворяли из СССР. Нас обвинили в утрате политической бдительности, кафедру разгромили. Я переехала в Красноярск, и даже здесь меня вызывали в крайком для бесед, потому что за мной тянулся шлейф «неблагонадёжности». Парадокс! — когда Солженицына в перестройку разрешили, первыми его книгами завладела та самая номенклатура, которая когда-то его выдворяла с Родины! То, что власть читает Александра Исаевича, конечно, хорошо, вот только почему-то его советам следовать не спешит.

В поисках новых героев

— Студенты во все времена дарят мне много приятных неожиданностей. Например, сегодняшние студенты заставили меня по-новому взглянуть

на литературу соцреализма. Им это вдруг стало интересно. В частности, творчество Маяковского сейчас начинает пользоваться большой популярностью у молодых. Или роман «Как закалялась сталь». Астафьев неоднократно резко отзывался об этом романе. В отличие от него, я всегда считала, что это произведение, уникально отразившее эпоху, ни в коем случае нельзя выбрасывать из школьной программы. Это наша история: в фанатичном герое Николая Островского воплощён трагичный, но где-то и романтичный дух той сложной эпохи. Не надо быть манкуртами и Иванами, родства не помнящими. Одна студентка на семинаре заявила, что она завидует Павлу Корчагину, потому что у того поколения была высокая цель. «А у нас?» — задала она риторический вопрос. Думаю, нынешним молодым ещё долго придётся искать на него ответ.

Постоять за Россию!

— Только сейчас мне открылось — как Астафьев спешил писать! Огромный жизненный материал буквально давил его... Он никогда не вспоминается на одной ноте — всегда по-разному. Это как фильм «Андрей Рублёв» — столько там пластов!..

Это место ещё долго будет пустовать... Астафьевы появляются раз в столетие. Духовные авторитеты рождаются не на «Фабрике звёзд». Слава Богу, есть ещё Распутин — одна из самых притягательных для меня фигур в современной литературе. Это тот случай, когда от самых скорбных повестей русского писателя веет необыкновенным внутренним светом, верой в человека. Валентин Григорьевич в своё время написал, что ждёт появления в литературе Героя, который мог бы постоять за Человека, за Россию. Потребность эта не утолена до сих пор.